

Голлизм и атлантизм — основные внешнеполитические парадигмы Пятой республики

Д.Ю. Михайлов

Посольство России в Швеции

Применительно к внешней политике Пятой республики голлизм и атлантизм представляют собой две ключевые и при этом взаимоисключающие концептуальные парадигмы, баланс влияния которых традиционно определял общий вектор поведения Парижа на международной арене.

Сравнительный анализ идеологических конструкций голлизма и атлантизма позволяет обнаружить фундаментальную причину концептуального несоответствия двух доктрин: голлизм призывает Францию к сохранению ею любой ценой статуса мировой державы; атлантизм идеологически обслуживает геостратегическую задачу по сохранению американского военно-политического контроля над Европой, и в этой связи не признаёт в рамках «западного мира» никаких мировых держав, кроме США.

Ретроспективный аналитический обзор взаимодействия голлистских и атлантистских тенденций за период с 1969 г. по наши дни, предпринятый в целях определения политически значимых закономерностей в эволюции подходов Парижа к союзническим отношениям с США и вопросам евроинтеграции, выявил устойчивый курс на постепенный отход Пятой республики от принципов голлистской дипломатии, результатом чего стала начавшаяся в 2007 г. эра абсолютного господства атлантизма во внешней политике Франции, сравнимая с временами Четвёртой республики. Наступление этой эры ознаменовалось значительным улучшением отношений Франции с США и НАТО, существенной активизацией французов на ниве федералистского евростроительства, но в целом — заметной банализацией голоса Парижа в международных делах.

Результат исследования представляется актуальным для выстраивания дальнейших отношений России с Францией.

Ключевые слова: голлизм, атлантизм, еврофедерализм, внешняя политика Франции, история Пятой республики, франко-американские отношения

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 12.01.2022 г.

Принята к публикации: 02.02.2022 г.

После окончания Второй мировой войны французская внешняя политика в значительной степени определялась влиянием двух разнозаряженных центров концептуальной гравитации: голлизма и атлантизма. Мощная сила притяжения первого влекла Францию к самоутверждению в статусе великой державы, обладающей глобальным влиянием и независимым голосом в мировых делах. Инерционный вектор второго, во многом заданный Четвёртой республикой, привёл Париж к исполнению скромной геополитической партии одного из европейских союзников Соединённых Штатов.

Для большинства авторитетных знатоков истории послевоенной Франции выстраивание её внешнеполитической системы координат относительно осей голлизма и атлантизма есть нечто само собой разумеющееся. По ним, в частности, ориентируют свой анализ хитросплетений французской дипломатии Ю.И. Рубинский (Рубинский 2018), Е.О. Обичкина (Обичкина 2004, 2012), М.Ц. Арзаканян (Арзаканян 1990, 2003), Ф. Бозо (Bozo 2019), Ж.А. Суту (Soutou 2018), М. Тасель (Tacel 1989), М. Вайс (Vaisse 1998), Ж. Далоз (Daloz 1993), Р. Ремон (Rémond 2002).

В этой связи нередко говорят о чётко обозначенных голлистских (правления Ш. де Голля, Ж. Помпиду и Ж. Ширака) и атлантистских (президентские сроки Ф. Миттерана, В. Жискара д'Эстена, Н. Саркози, Ф. Олланда и Э. Макрона) периодах истории послевоенной Франции, хотя в реальности, безусловно, линия Парижа в мировых делах всегда представляла собой причудливый симбиоз этих двух взаимоисключающих концепций.

На первый взгляд, голлизм и атлантизм трудно сравнивать. Атлантисты были и есть не только во Франции, в то время как голлизм, как верно подметил один из его авторитетных знатоков Э. Борн, «вещь сугубо французская, которой в других странах не найдёшь и приблизительных аналогов» (Borne 1981: 10). Действительно, рассуждая о голлизме, мы невольно вторгаемся в область французского национального менталитета, квинтэссенцию которого во многом олицетворял собой Ш. де Голль.

Атлантизм также основан на исторических особенностях национального менталитета, но только не французского, а англосаксонского, а именно на извечной боязни Великобритании (а затем США) оказаться отрезанными от «Мирового острова» (Евразии) либо допустить возникновение на нём крупной державы, способной геополитически оспорить претензии англосаксов на господство в «Мировом море».

Голлистская внешняя политика носила поистине глобальный характер. Помимо своей ключевой евроатлантической компоненты, она также опиралась на только ей свойственный «дипломатический почерк» в африканских и азиатских делах, на собственное видение отношений с Китаем и Россией, на солидное наследие во взаимодействии с Восточной Европой, Латинской Америкой и т.д.

Атлантизм же, как известно, всегда был приоритетно сосредоточен на отношениях между двумя берегами Атлантики.

Наконец, в отличие от атлантизма, голлизм, помимо внешнеполитической составляющей, имеет ещё и не менее важное государствообразующее измерение. Не будет преувеличением сказать, что сама Пятая республика изначально была историческим воплощением государственного голлизма в его конституционной, политической и даже морально-нравственной проекциях.

Тем не менее голлизм и атлантизм оказываются явлениями одного порядка, если речь заходит о внешней политике Франции на евроатлантическом направлении после Второй мировой войны. Обе концепции долгое время претендовали (и в определённой степени до сих пор претендуют) на роль единственно возможного идеологического фундамента магистральной политической линии Парижа в мировых делах. Соответственно, в этом качестве они вполне могут быть подвергнуты сравнительному анализу, который мы выбрали в качестве основного научного метода при решении следующих исследовательских задач:

- рассмотрение голлизма и атлантизма как идеологий, основанных на принципиально различных мироустроительных концепциях;
- выявление ключевых противоречий, объясняющих взаимоисключающие трактовки голлизмом и атлантизмом роли Франции в международных делах;
- ретроспективное осмысление взаимодействия голлистских и атлантистских тенденций во внешней политике Пятой республики.

Цель настоящей статьи — посредством анализа эволюции подходов Парижа к союзническим отношениям с США и к вопросам евростроительства выявить общий вектор движения маятника французской дипломатии относительно идеологических «полюсов» голлизма и атлантизма. Достижение указанной цели имеет, помимо научного, прикладное значение, поскольку верное понимание динамики соотношения голлистского и атлантистского «ингредиентов» во французском политическом «коктейле» позволяет правильно трактовать (и, возможно, даже прогнозировать) поведение Парижа в мировых делах.

В первой части настоящей работы голлизм и атлантизм рассмотрены как цельные идеологические конструкции. При этом французский атлантизм проанализирован как особый национальный «подвид» атлантистской идеологии, ставший таковым в силу исторических причин — в том числе, вследствие постоянного конкурентного сосуществования с голлизмом.

Вторая часть повествует о голлистском видении отношений Франции с США, а также постепенном замещении этих взглядов атлантистскими в официальных подходах Парижа к данному сюжету.

Третья часть описывает голлистскую и атлантистскую концепции евроинтеграции, при этом доказывается, что еврофедерализм представляет собой важнейший составной элемент атлантистской идеологической конструкции.

Данная работа, по большей части, опирается на широко известные факты из истории современной Франции. В то же время, насколько нам известно, никто в России или за рубежом до сих пор целенаправленно не рассматривал евроат-

лантическую политику Пятой республики через призму именно идеологического противоборства между голлизмом и атлантизмом. В этом, в нашем представлении, заключается научная новизна предпринятого нами исследования.

Голлизм и атлантизм как две взаимоисключающие идеологии

Голлизм – апология величия Франции

Несмотря на большое количество монографий, посвящённых голлизму, среди учёных до сих пор нет единого понимания данного явления. Так, например, Ж. де Монтале пытался увидеть в нём «философскую концепцию в широком смысле слова» (De Montalais 1968: 14), С. Берстейн (Berstein 1999) описывал его как особый тип демократии, сочетающий в себе плебисцитные методы принятия политических решений с императивом сильной государственной власти, а Г. Кваглиарелло (Quagliariello 2007) и вовсе возвёл его в ранг «политической религии». В настоящей статье мы рассмотрим голлизм как идеологию или как «основополагающий политический миф» Пятой республики.

«Ничто так не напоминает миф как политическая идеология», — остроумно подметил К. Леви-Стросс (Леви-Стросс 2001: 216). Голлистская идеология близка к классическим мифам античности, ибо в её центре — идеализированный герой, выступающий как почти непогрешимое мерило правильного и неправильного в политике.

В этом смысле правы К. Фредж и Д. Мазучетти, когда пишут, что «в большей степени, чем чётко обозначенную политическую доктрину, голлизм представляет собой аффективную привязанность к определённым символу и образу прошлого» (Fredj, Mazzucchetti 1994: 100). Остаётся только уточнить, что этот «символ и образ» — лидер Свободных французских сил, основатель Пятой республики и яркая историческая личность: генерал Шарль де Голль.

В самом названии голлизма прочитывается тесная связь с его легендарным вдохновителем. По этой причине задолго до того, как голлизм оформился в полноценную, по определению М.Ц. Арзаканян, «совокупность внутривнутриполитических, внешнеполитических и социально экономических воззрений» (Арзаканян 2003: 6), он уже был мощным политическим движением, объединившим вокруг де Голля французов, не утративших веру в великое будущее своей страны в драматических обстоятельствах военного поражения и оккупации.

Во Франции, помимо огромного числа исследователей собственно исторической фигуры Ш. де Голля, сложилась отдельная когорта специалистов по своему рода «теории голлизма». Это Ж. де Монтале (de Montalais 1968), С. Берстейн (Berstein 2002), Ж. Тушар (Touchard 1978), Ш. Моразе (Morazé 1971), Ж. Шарло (Charlot 1969), О. Рюдель (Rudelle 2010), Ж. Блок-Моранж (Bloch-Morhange 1963), Ф. Шуазель (Choisel 1987, 2016), Ж.-К. Петифис (Petitfils 1993), Ж. Тейтжан (Teitgen 1980), Ж. Сустель (Soustelle 1967), А. Пейрефит (Peyrefitte 1994, 1997, 2000) и др.

В России теоретическим осмыслением голлистского идеологического и политического наследия целенаправленно занимались Г.Н. Новиков (1984) и М.Ц. Арзаканян (1990, 2003).

С подачи Ж. Блок-Моранжа «родословную» голлизма принято вести с 18 июня 1940 г. — со дня знаменитого обращения генерала к французской нации по радио из Лондона.

В работах Ж. Шарло (Charlot 1969), Ж. Сустеля (Soustelle 1967), Ж. Тушара (Touchard 1978), Ш. Моразе (Morazé 1971), С. Берстейна (Berstein 2002) выделены периоды голлизма, соответствующие основным вехам политической жизни де Голля: голлизм периода войны или голлизм «Свободной Франции» (1940—1946 гг.); оппозиционный голлизм, или голлизм периода «Объединения французского народа» (1946—1958 гг.); и, наконец, голлизм как воплощённая политическая доктрина, или государственный голлизм (1958—1969 гг.).

В такой же хронологической логике систематизирован и «постголлистский» период. К. Фредж и Д. Мазучетти (Fredj, Mazzucchetti 1994), Г. Кваглиарелло (Quagliariello 2007) выделяют голлизм поколения Ж. Помпиду (1969—1976 гг.); голлизм «Объединения за Республику» (1976—2002 гг.); «последнее поколение голлистов» (к таковым относят самый широкий спектр французских политиков правоцентристской ориентации времён правления Ж. Ширака).

Анализируя голлизм, следует чётко понимать, что в преломлении на конкретные политические персоналии явление это отнюдь не однородное. Поскольку в голлисты себя записывали политики очень разных, порой диаметрально противоположных убеждений, всех их принято условно группировать по своего рода «внутренним фракциям» — в зависимости от того, к каким идеям и воззрениям, помимо голлистских, они тяготели.

Ж.-К. Петифис (Petitfils 1993) выделяет ортодоксальный голлизм (максимальное стремление к воплощению идеалов Ш. де Голля, характерные представители — М. Дебре, П. Мессмер, Ф. Сегуэн, Ш. Паскуа и др.); либеральный голлизм (сопряжение цели построения сильного государства с принципами свободного рынка — Ж. Помпиду, Ж. Ширак, Э. Балладюр и др.); левый голлизм (адаптация идей Ш. де Голля к политической повестке соцпартии или компартии Франции — Р. Гроссман, Р. Стефан, Р. Капитан, Л. Валлон и др.).

По той же причине неоднородности голлистского движения его не удаётся комфортно разместить на общепринятой политологической шкале «правые/левые». При этом как объективную историческую данность приходится принять факт, что во Франции голлистские партии традиционно считаются правыми.

Ж. Поззи (Pozzi 2011), Р. Ремон (Rémond 1982), Г. Табар (Tabard 2019) подробно описали эволюцию политических течений голлистского толка — от созданного в 1947 г. самим Ш. де Голлем Объединения французского народа до сегодняшних Республиканцев (Les Républicaines).

Противники голлизма со времён «Сражающейся Франции» неизменно пытаются представить голлистскую идеологию в качестве харизматически окрашенной версии банального французского национализма.

Если рассматривать голлизм через призму классической типологии политических идеологий, он действительно оказывается национализмом бонапартистского типа, на что указывают, например, Р. Ремон (Rémond 1982), Ф. Шуазель (Choisel 1987), Ж. Тейтжан (Teitgen 1980), Э. Борн (Borne 1981).

Однако сам факт самостоятельного существования во Франции — параллельно с голлистским движением — партий и объединений собственно националистического толка является, на наш взгляд, убедительным доказательством того, что политические повестки французских националистов и голлистов если в чём-то и пересекаются, то уж точно не совпадают.

Более того, националисты зачастую были в жёсткой оппозиции к голлистам, а в 60-е гг. прошлого века, как известно, даже неоднократно пытались физически устранить Ш. де Голля (в основном, из-за его позиции по проблеме Французского Алжира).

Враждебные отношения между голлистами и националистами подробно описаны в научной литературе (Petitfils 1988; Igounet 2014; Roussel 2020 и др.).

В качестве главной отличительной черты голлистской идеологии практически все исследователи отмечают её бескомпромиссную сфокусированность на императиве обеспечения Франции статуса мировой державы.

«Разум также убеждает меня в том, что Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах, что только великие деяния способны избавить Францию от пагубных последствий индивидуализма, присущего её народу, что наша страна перед лицом других стран должна стремиться к великим целям и ни перед кем не склоняться, ибо в противном случае она может оказаться в смертельной опасности. Короче говоря, я думаю, что Франция, лишённая величия, перестаёт быть Францией», — свидетельствует сам Ш. де Голль (De Gaulle 1954: 1).

«Если бы нужно было охарактеризовать внешнюю политику генерала де Голля, на первом месте оказалось бы это стремление к величию и закреплению за Францией мирового ранга, которое понималось одновременно и как философия действия, и как исторический долг», — пишет М. Вайс (Vaisse 1998: 38).

Вторая важная характеристика голлистской идеологической конструкции — это безусловный приоритет внешней политики над внутренней. Это утверждение выглядит парадоксальным в отношении идеологии, лежащей в самой основе политической организации Пятой республики как государства. Однако это действительно так.

«Для де Голля внешняя политика — это смысл существования великой нации. Остальные проблемы государственного управления вторичны. Экономическая мощь, благополучие граждан, социальное спокойствие – всё это не более чем фундамент, предоставляющий возможность для масштабной внешнепо-

литической активности планетарного размаха», — находим у М. Таселя (Tasel 1989: 225).

Третья, также весьма показательная особенность голлистской идеологии касается её мироустроительной концепции. Речь идёт о ясно сформулированном Ш. де Голлем утверждении государства-нации в качестве абсолютной политической ценности, главного актора международных отношений и основного субъекта мировой истории.

«Воображать, что возможно построить нечто эффективное и действенное вне и над государствами и что это будет одобрено народами — химера!» — заявил первый президент Пятой республики на пресс-конференции 5 сентября 1960 г. (Рейно 1964: 38).

«Мировосприятие де Голля основывается на примате государства-нации, провозглашенной высшей политической ценностью», — констатируют К. Фредж и Д. Мазучетти (Fredj, Mazzucchetti 1994: 89).

«Суверенитет национальных государств был для де Голля абсолютным и не подлежащим обсуждению условием для существования подлинной демократии», — замечают А. Керерве и Ж. Кеке (Kerhervé et Quéré 2020: 220). «Глаша-таем государств-наций» называет Ш. де Голля в своих мемуарах Г. Киссинджер (Kissinger 1979: 108).

Голлистская вера в национальное государство вообще (и в «великую Францию» — в частности) сразу жёстко противопоставила себя еврофедералистским идеям, за которыми Ш. де Голль справедливо усматривал контуры атлантистского проекта по подчинению Западной Европы военно-политическому диктату США.

Атлантизм — идеология подчинения Европы Соединённым Штатам

Термин «атлантизм» может легко ввести в заблуждение кажущейся очевидностью своего значения. «Воззрения тех, кто полагает в основу и в принцип своих действий Североатлантический пакт и ориентируется на политику США согласно тому же принципу»¹, — так определяет атлантизм французский толковый словарь «Лярусс».

«Речь идёт об организации сотрудничества, навязанной Атлантическому альянсу, которая есть не что иное, как военное и политическое подчинение Западной Европы Соединённым Штатам Америки», — столь же лаконично изложил суть атлантизма Ш. де Голль (de Gaulle 1970: 177).

При чуть более пристальном рассмотрении атлантизм (трансатлантизм или евроатлантизм) раскрывается в трёх основных проекциях: геополитическая концепция; прикладная внешнеполитическая доктрина США и, наконец, идеология, обслуживающая две его предыдущие «ипостаси».

¹ Словарь Larousse <https://www.larousse.fr/dictionnaires/atlantisme/6117> (accessed 23.02.2022)

Как геополитическая концепция атлантизм отталкивается от известного британо-американского представления о «естественной» исторической конкуренции между морскими и сухопутными державами за глобальное доминирование. Американский адмирал А.Т. Мэхэн (Mahan 2018) ещё в 1890 г. сформулировал мысль о том, что США и Великобритании необходимо всеми силами противодействовать возникновению крупных континентальных держав. Так появился главный геополитический тезис атлантизма: императив вмешательства англосаксов в дела Евразии.

«Отделённые от Европы, — писал Г. Киссинджер, — Соединённые Штаты геополитически превратятся в остров, удалённый от берегов Евразии» (Kissenger 2001: 52).

После окончания Второй мировой войны атлантизм был взят Соединёнными Штатами на вооружение уже как прикладная внешнеполитическая доктрина (разработка атлантистской доктрины и процесс её закрепления в умах правящих элит США прекрасно проанализирован Ф.Г. Войтоловским (Войтоловский 2007; 125-136). С того момента и до сих пор атлантизм — исправно работающий идеологический инструмент, обосновывающий необходимость сохранения военно-политического контроля Соединённых Штатов над Старым Светом.

Как писал по этому поводу в 1997 г. З. Бжезинский, атлантистская Европа стала «геополитическим плацдармом Америки» на евразийском континенте, и «расширение пределов Европы автоматически становится расширением границ прямого американского влияния» (Бжезинский 2019: 77). В этой связи К.Н. Брутенц очень точно назвал Европу «главным трофеем Соединённых Штатов во Второй мировой войне» (Брутенц 2009: 229).

Атлантистская идеология держится на трёх основополагающих постулатах. Во-первых, она заявляет о существовании «атлантического сообщества», принадлежность к которому объединяет два берега Атлантики в единое культурно-историческое целое на основе «общих ценностей», главные из которых — либеральная демократия и свободная торговля. «Если мы определяем как сообщество нацию или группу государств, чья культура в этнологическом смысле принадлежит к одной семье, то европейцы и американцы определённо составляют сегодня одно сообщество»², — находим у Р. Арона.

Во-вторых, атлантизм провозглашает невозможность обеспечения европейской безопасности без участия США. Эта мысль возникла из опыта Первой мировой войны, а в реалиях биполярного противостояния заняла почётное место в идеологическом арсенале геополитической борьбы Запада против СССР (а затем — России).

Обоснованием данной идеологемы выступает экзистенциальная потребность атлантизма в наличии общего для двух берегов Атлантики непримиримого

² Aron R. 1986. La Communauté atlantique: 1949 — 1982. *La Politique étrangère*. № 5. P. 238.

мого врага, с которым европейцы ни при каких обстоятельствах не могли бы справиться собственными силами. «Если верить американским архитекторам атлантизма, необходимость в нём обусловлена существованием общего врага, который представляет собой не просто внешнюю державу, расположенную на определённой территории, но противника, решительно отрицающего все западные ценности»³, — пишут по этому поводу Ж. Рафлик и Н. Векбур.

Начиная с 1949 г. атлантизм объявил НАТО единственным, необходимым и достаточным инструментом обеспечения коллективной обороны «свободного мира». Этот постулат очевидным образом накладывает идеологическое табу на создание обитателями Старого Света иных оборонных союзов.

Необходимо заметить, что настойчивые попытки европейцев обойти этот негласный запрет в 2009 г. парадоксальным образом завершились его кодификацией — в пункте 2 Статьи 42 лиссабонской версии Договора о Европейском союзе читаем: «Политика Союза ... уважает обязательства, вытекающие из Североатлантического договора для отдельных государств-членов, которые считают, что их общая оборона реализуется в рамках Организации Североатлантического договора (НАТО), и является совместимой с общей политикой безопасности и обороны, установленной в этих рамках»⁴.

Во Франции атлантистские идеи приобрели особую популярность после капитуляции Третьей республики 22 июня 1940 г.

Атлантистское движение практически сразу возглавил будущий «отец Европы» Ж. Монне, который всю войну проработал в Вашингтоне на британскую корону (официально он занимался военными закупками для вооружённых сил Соединённого Королевства). «Если и есть человек, сыгравший решающую роль в том, чтобы убедить Рузвельта в необходимости не допустить возрождения Франции, так это, несомненно, Жан Монне», — уверен Э. Бранка (Branca 2017: 59).

Ж. Монне и его сторонники считали мечты де Голля о возрождении «Великой Франции» несбыточными, а его нежелание становиться политической марионеткой США и его упорное стремление говорить от имени всех сражающихся с фашизмом французов — проявлениями авторитаризма и даже шовинизма. Борьба французских атлантистов с голлистами в военный и послевоенный периоды прекрасно описана в работе Ф. Броша (Broche 2020).

Итак, атлантистская идеологическая конструкция не предусматривает «Франции в первом ряду» Ш. де Голля. Напротив, чтобы вписаться в рамки атлантистской концепции, Парижу предлагается смириться с ролью одного из европейских союзников США.

³ Raflik J., Vaicbourdt N. 2009. Européisme versus atlantisme, 1956 — 1973. *Relations Internationales*. 139(3). P. 95

⁴ Договор о Европейском союзе. — URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 23.02.2022)

Фундаментальное идеологическое противоречие голлизма и атлантизма, касающееся роли Франции в мировых делах, особенно ярко демонстрирует себя при рассмотрении двух ключевых для внешней политики Пятой республики сюжетов: вопроса об отношениях с США и взглядов на принципы евростроительства.

Голлистский и атлантистский подходы к отношениям с США Де Голль и Америка

Голлизм возник в исторический период, когда судьба Франции во многом зависела от США. Так, во время Второй мировой войны личное отношение Ф. Рузвельта имело важное значение для мирового признания Ш. де Голля законным представителем французского народа. Политическая судьба освобождённой Франции также решалась не без участия её главных освободителей.

В то же время именно в военную пору голлизм приобрёл одну из своих основных внешнеполитических черт — если не враждебное, то весьма настороженное отношение к заокеанским «друзьям и союзникам».

Наличие в голлистских взглядах на Соединённые Штаты ярко выраженной конфронтационной составляющей констатируют практически все авторитетные исследователи послевоенной истории Франции — Ю.И. Рубинский (Рубинский 2018), Е.О. Обичкина (Обичкина 2004, 2012), М.Ц. Арзаканян (Арзаканян 1990, 2003), Ф. Бозо (Bozo 2019), Ж.А. Суту (Soutou 2018), М. Вайс (Vaisse 1998), Ж.Б. Дюрозель (Duroselle 1976) и др.

Э. Бранка (Branca 2017) и В. Жовер (Jauvert 2000) в своих работах убедительно свидетельствуют о целенаправленной борьбе США против Ш. де Голля как политического деятеля мирового масштаба.

После поражения Франции в 1940 г. её вторая в мире колониальная империя оказалась в положении политической неопределённости. Хотя заморские администрации формально подчинялись правительству Виши, на местах были сильны настроения борьбы с коллаборационистами. На это изначально делали ставку де Голль и поддерживавшие его британцы в надежде превратить французские колонии в Африке в основной плацдарм для организации вооружённой борьбы не принявших режим Виши французов против немецкой оккупации.

Главная на тот момент политическая цель голлизма — признание Франции в её довоенных границах (включая не только метрополию, но и всю Французскую Империю) после победы над Германией и её союзниками — была зафиксирована во франко-британском Соглашении от 7 августа 1940 г. С американцами де Голль был готов сотрудничать исключительно на том же условии.

В отличие от Лондона, в Вашингтоне полагали, что в 1940 г. с Парижем как с мировым центром влияния бесповоротно покончено, и в этой связи американцы не видели необходимости политически выделять французов из списка про-

чих европейских народов, подлежащих освобождению от немецкой оккупации силой заокеанского оружия.

США в начале войны интересовал, в первую очередь, доступ к французским аэродромам в Северной Африке (с точки зрения проекции военной мощи на европейский театр действий), и не пользовавшийся на тот момент популярностью в колониальных администрациях де Голль не казался американцам надёжным помощником к достижению их стратегической цели.

В этой связи весьма показательно, что США официально признали генерала в качестве законного представителя французского народа только 23 октября 1944 г., то есть когда были вынуждены иметь с ним дело как с главой Временного правительства Французской Республики (для сравнения: британцы признали де Голля 28 июня 1940 г., СССР — 26 сентября 1941 г.).

В Вашингтоне считали необоснованными претензии генерала на роль равноправного союзника англосаксонской пары и по этой причине постоянно искали ему более управляемую замену из числа авторитетных французских военных. Фаворитом американцев некоторое время был Верховный представитель Франции в Северной и Западной Африке адмирал Ф. Дарлан, а после его убийства в декабре 1942 г. — герой битвы за Францию генерал А. Жиро, который, в отличие от де Голля, не формулировал значимых политических требований.

Ш. де Голль в своих мемуарах неоднократно жаловался на то, что в «африканских делах» США всегда предпочитали иметь дело не с ним, а с представителями вишистской власти в колониях. Это, впрочем, неудивительно, если вспомнить, что одним из ключевых советников Рузвельта по «французским вопросам» был зять главы вишистского правительства П. Лаваля — Р. де Шамбрэн.

Таким образом, генерал, в начале войны искренне искавший поддержки Вашингтона, на практике очень скоро был вынужден убедиться в том, что США являются главными противниками его политического проекта по восстановлению Франции в статусе мировой державы.

Американцы, в свою очередь, не менее ясно осознали, что голлисты видят себя единственными законными наследниками довоенных французских владений и в этой связи представляют собой серьёзную политическую проблему для всех, кто намеревался так или иначе пожить за счёт осколков бывшей Французской империи.

Когда в июне 1958 г. состоялось возвращение Ш. де Голля во власть, военно-политическая зависимость Франции от США была уже свершившимся фактом. Реализация на американских условиях с мая 1947 г. Плана Маршалла вкупе с подписанием 28 июня 1948 г. кабального для французов Межправительственного соглашения о сотрудничестве с США привели, по определению М. Таселя, к «финансовой колонизации Франции американцами» (Tasel 1989: 202), а вступление в НАТО в апреле 1949 г. обернулось развёртыванием на французской территории плотной сети американских военных баз (см. подробнее: Pottier 2003).

«Всё, что я до этого сделал ценой невероятных усилий для обеспечения независимости, ранга и интересов Франции, было немедленно скомпрометировано. За отсутствием пружины, которая поддерживала бы нас в положении стоя, режим занимался тем, что ублажал других. Конечно, он использовал соответствующие идеологии, чтобы скрыть свою никчёмность. Одна из них — уничтожение во имя единства Европы преимуществ, которые нам давал статус победителя в войне, другая — подчинение Франции гегемонии англосаксов под предлогом атлантической солидарности», — так сам Ш. де Голль описывал ситуацию, которую он унаследовал в 1958 г. от двенадцати лет атлантистского «правления партий» при Четвёртой республике (de Gaulle 1970b: 14).

Несмотря на остроту внутривнутриполитического момента (летом 1958 г. страна была на грани гражданской войны по причине кризиса вокруг Французского Алжира), генерал приоритетно принялся за корректировку атлантического проекта таким образом, чтобы обеспечить Франции равный с США и Великобританией голос в вопросах обеспечения коллективной обороны западного блока. 17 сентября 1958 г. он направил президенту США Д. Эйзенхауэру и премьер-министру Великобритании Г. Макмиллану меморандум, в котором предложил учредить в НАТО политико-стратегический триумвират Париж—Вашингтон—Лондон. Этот демарш американцы и британцы демонстративно проигнорировали.

В очередной раз убедившись, что США не намерены признавать Париж в качестве равного партнёра, Ш. де Голль уже на государственном уровне встал на тропу дипломатической войны с Америкой. Перечислим только самые значимые из внешнеполитических ударов, которые генерал решительно нанёс Вашингтону за нежелание видеть Францию «в первом ряду».

7 марта 1959 г. президент вывел из-под объединённого командования НАТО стратегически важный для США французский Средиземноморский флот.

27 января 1964 г. — когда американцы были уже на грани открытой войны с Северным Вьетнамом — де Голль неожиданно установил дипломатические отношения с недавно испытывавшим атомную бомбу коммунистическим Пекином, оказав тем самым политическую поддержку главному на тот момент вдохновителю и спонсору национально-освободительной борьбы народов Юго-Восточной Азии против американского империализма.

4 февраля 1965 г. генерал заявил о необходимости возвращения к «золотому стандарту» в международных финансах, а затем в течение года обменял на золото львиную долю французских государственных активов, до того номинированных в национальной валюте США. Это стало началом конца Бреттон-Вудской системы и, по сути, первым серьёзным ударом по американскому доллару как основной мировой резервной валюте.

7 марта 1966 г. Ш. де Голль направил президенту США Л. Джонсону послание, в котором было сказано: «Франция намерена вернуть себе право суверенного контроля над своей территорией, в настоящее время ограниченное

постоянным присутствием на ней военных соединений союзников равно как использованием ими её воздушного пространства. Франция прекращает своё участие в интегрированных командных структурах и более не будет предоставлять своих войск в распоряжение НАТО» (Tasel 1989: 227).

Летом 1966 г., едва оформив выход из интегрированных военных структур Североатлантического альянса, президент республики отправился в долгий (с 20 июня по 1 июля) и во многом судьбоносный для советско-французских отношений визит в СССР, чем не на шутку встревожил американских стратегов, пытавшихся определять ход холодной войны.

В итоге весьма настороженное отношение к США на долгое время стало обязательным *modus operandi* французской дипломатии, а непризнание за Вашингтоном статуса единовластного «лидера свободного мира» (равно как и роли «незаменимого гаранта» европейской безопасности) — визитной карточкой голлистской внешней политики.

Атлантистская Франция и США. Отход от голлистских принципов

Голлистский подход к отношениям с США был пересмотрен практически сразу после отставки Ш. де Голля 28 апреля 1969 г. Сменивший генерала на посту президента республики голлист Ж. Помпиду свой первый зарубежный визит в качестве главы государства нанёс в США (23 февраля – 3 марта 1970 г.).

В 1989 г. благодаря профессору Принстонского университета Р. Уллману⁵ стало известно, что в ходе этой поездки между Ж. Помпиду и президентом США Р. Никсоном были достигнуты тайные договорённости об американском содействии развитию военной ядерной программы Франции.

Эти «особенные отношения» были организованы Вашингтоном совершенно иезуитским образом: французы исправно докладывали за океан о результатах своих научно-исследовательских работ в атомной сфере, а американцы в ответ сообщали, на верном ли пути находятся французские учёные (см., например, М. Вайс⁶). При этом Парижу приходилось верить на слово в благонамеренность и компетентность советчиков из США.

При В. Жискара д'Эстене — первом в истории Пятой республики президенте, совершенно не скрывавшем своих атлантистских взглядов, — Франция незамедлительно отказалась от важнейшего голлистского принципа, согласно которому приоритетной задачей французских вооружённых сил считалась защита национальной территории.

Созданные при де Голле автономные военные возможности страны, включая потенциал ядерного сдерживания, очень скоро были встроены в созданную

⁵ Ullman R. 1989. The Covert French Connection. *Foreign Policy*. №1989. P. 3-33.

⁶ Vaisse M. 2004. Les «relations spéciales» franco-américaines au temps de Richard Nixon et Georges Pompidou. *Relations Internationales*. №119. P. 345-362.

американцами натоцентричную систему коллективной обороны Западной Европы.

В ходе встречи В. Жискар д'Эстена с президентом США Дж. Фордом на Мартинике 14-16 декабря 1974 г. были достигнуты договорённости, на основании которых французская доктрина ядерного сдерживания была адаптирована под американские концептуальные стандарты того времени («градуированный ответный удар» по жизненно важным объектам инфраструктуры противника и т.д.).

Секретные соглашения, заключённые по итогам состоявшейся в 1975 г. серии переговоров начальника Генерального штаба вооружённых сил Франции Г. Мери с главой Европейского командования армии США А. Хейгом, вывели отношения между Парижем и Вашингтоном на невиданный ранее уровень доверительного союзничества: стороны договорились о согласованном использовании своего тактического ядерного оружия в случае атаки СССР⁷.

21 мая 1981 г. президентом Франции стал Ф. Миттеран, который в апреле 1943 г. лично из рук генерала Ф. Петена получил высшую награду коллаборационистского режима Виши — Орден Франциски (Péan 1994; Gerber 2016).

Никогда не скрывавший своих антипатий к голлизму, Ф. Миттеран был соперником Ш. де Голля во втором туре первых прямых президентских выборов в 1965 г., а в марте 1966 г. создал из числа оппозиционных парламентариев теневое правительство, одной из главных задач которого было противодействие решению генерала вывести Францию из интегрированных военных структур НАТО.

Только за первые два года своего пребывания в Елисейском дворце Ф. Миттеран шесть раз встретился с президентом США Р. Рейганом, а с вице-президентом Дж. Бушем-старшим и вовсе был на дружеской ноге. При Миттеране (с июля 1981 г.) Франция возобновила участие в атлантических саммитах, а в июне 1983 г. Париж впервые с 1966 г. принял у себя заседание Совета НАТО.

Во время второго президентского срока Ф. Миттерана была предпринята первая попытка переговоров с американцами об условиях возвращения Франции в интегрированные военно-штабные структуры НАТО. Так, в январе 1991 г. начальник личного штаба президента республики адмирал Ж. Ланксад и французский постпред при НАТО Г. Робэн закулисно обсуждали данный вопрос с высокопоставленными американскими дипломатами⁸.

5 декабря 1995 г. при президенте-голлисте Ж. Шираке глава французского военного ведомства возобновил участие на регулярной основе в заседаниях Совета министров обороны НАТО, а начальник Генерального штаба вооружённых сил Франции — в работе Военного комитета альянса⁹. Тогда же 7500 француз-

⁷ Vaisse M. 2004. La France et l'OTAN: Une histoire. *Politique étrangère*. №4. Hiver. P. 866.

⁸ Lasserre I. 2009. Quand Mitterand, déjà, négociait le retour dans l'OTAN. *Le Figaro*. 11 mars.

⁹ De la Gorge P.-M. 1997. Un tournant occulté. Retour honteux de la France dans l'OTAN. *Le Monde diplomatique*. Janvier.

ских военных были направлены в состав операции сил НАТО в Боснии и Герцеговине (SFOR).

В 1995 г. Франция впервые решилась на официальные переговоры с США по полноформатному возвращению в интегрированные военные структуры Организации Североатлантического договора (см. подробнее: Обичкина 2004: 231).

Любопытно, что попытки Ж. Ширака пересмотреть главное внешнеполитическое решение де Голля пресёк премьер-социалист Л. Жоспен, возглавивший правительство за месяц до Мадридского саммита НАТО (8–9 июля 1997 г.), на котором планировалось торжественно объявить о возвращении Франции в интегрированные военно-командные структуры альянса.

14 января 2007 г. конгресс голлистской партии «Союз за народное движение» выбрал единым кандидатом на пост президента республики Н. Саркози. Уже в первом своём публичном заявлении в этом качестве политик пообещал, что в случае избрания намерен стать лучшим другом США¹⁰.

Дальнейшие события показали, что Н. Саркози преуспел в этом настолько, что в марте 2009 г. американский посол в Париже К. Стэплтон в секретной депеше назвал его «самым проамериканским французским президентом со времён окончания Второй мировой войны»¹¹.

Стараниями Н. Саркози на юбилейном саммите НАТО 3–4 апреля 2009 г. в Страсбурге–Келе произошло то, чего атлантисты по обе стороны Атлантики безуспешно добивались с 1966 г.: Париж «вернулся»¹² в военную организацию альянса.

На итоговой совместной пресс-конференции президентов США и Франции¹³ у Н. Саркози спросили, удалось ли ему получить от Вашингтона гарантии того, что за океаном, наконец, дадут зелёный свет развитию европейского оборонного проекта (это было одним из главных условий, на которых французский лидер намеревался возвращать Францию в альянс).

В своём ответе президент признал, что гарантий у него нет. Другими словами, сохранявшееся в течение 43 лет принципиальное голлистское требование реформировать НАТО таким образом, чтобы европейцы и американцы имели в организации сопоставимое влияние, Н. Саркози с легкостью обменял на «академический»¹⁴ пост Верховного главнокомандующего НАТО по транс-

¹⁰ Discours d'investiture de Nicolas Sarkozy. *Le Monde*. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/01/15/le-discours-d-investiture-de-nicolas-sarkozy_855369_3224.html (accessed 23.02.2022)

¹¹ Шифротелеграмма посла США во Франции К. Стэплтона №09PARIS410_a от 20.03.2009. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09PARIS410_a.html (accessed 23.02.2022)

¹² «Возвращение» Франции в НАТО в апреле 2009 г. имело важное политическое, но при этом сугубо символическое значение. Франция уже была представлена во всех структурах альянса, включая Военный комитет. Исключение составляли только Группа ядерного планирования (ГЯП) и Комитет по оборонной политике и планированию (КОПП). Поскольку участие Парижа в работе ГЯП даже не обсуждалось, то получается, что в 2009 г. Франция вернулась только в КООП.

¹³ См подробнее: <http://discours.vie-publique.fr/notices/097001035.html> (accessed 23.02.2022)

¹⁴ Supreme Allied Commander Transformation (ACT) — одно из двух Верховных Командований НАТО. ACT практически «выведено за скобки» командно-штабных схем планирования и управления вооружёнными силами.

формации в Норфолке, который с 2011 г. неизменно занимает французский генерал¹⁵.

Избранный 15 мая 2012 г. на пост президента Франции Ф. Олланд уже 18 мая был в Вашингтоне, где не менее подобострастно, чем его предшественник Н. Саркози, рассуждал об особом праве США «говорить от имени всего мира»¹⁶ в вопросах международной безопасности.

Олланд вписал в историю французского атлантизма свою яркую страницу 31 августа 2013 г., когда, следуя обязательствам «старейшего союзника Америки»¹⁷, привёл в полную боевую готовность ВВС Франции для нанесения совместного с США удара по Сирии. Однако американский президент Б. Обама за час до запланированной операции по телефону сообщил Ф. Олланду, что передумал нападать на Б. Асада¹⁸. В итоге французские военные фактически по прямому указанию из Вашингтона сняли со своих истребителей ракеты и авиабомбы.

Другой атлантистский «рекорд» Ф. Олланд поставил 5 августа 2015 г., подписав соглашение об аннулировании уже оплаченного контракта на поставку ВМФ России десантных вертолётоносцев-доков типа «Мистраль». Формальным поводом для разрыва сделки тогда были названы «агрессивные действия Москвы» в 2014 г. на Украине, хотя сделан этот шаг был под прямым политическим давлением США, о чём убедительно свидетельствует, например, К. Панон (Panon 2015: 355).

Сменивший Ф. Олланда 7 мая 2017 г. «маршист»¹⁹ Э. Макрон первое время довольно убедительно симулировал возмущение действиями президента США Д. Трампа — в частности, выходом США из Парижского соглашения по климату и из иранской ядерной сделки.

Запал критики молодого французского лидера в отношении заокеанского партнёра пошёл на убыль уже в марте 2018 г., когда Париж с энтузиазмом присоединился к инициированной Великобританией международной травле России по «делу Скрипалей».

В качестве платы за преданность Э. Макрон, казалось бы, получил то, чего тщетно добивался от англосаксов Ш. де Голль — Францию, наконец, признали равноправным партнёром: 14 апреля 2018 г. США и Великобритания допустили французов к участию в совместных ракетных ударах по Сирии.

¹⁵ С 23 сентября 2021 г. пост Верховного главнокомандующего НАТО по трансформации занимает генерал ВВС Франции Ф. Лявинь (Philippe Lavigne).

¹⁶ Déclaration de M. 2012. François Hollande, Président de la République, sur les relations franco-américaines à Washington le 18 mai. *Vie-Publique*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/185080-declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-sur-les> (accessed 23.02.2022)

¹⁷ Так Францию назвал 30 августа 2013 г. госсекретарь США Дж. Керри, после того как парламент Великобритании заблокировал участие Лондона в военной акции против Сирии. См.: Ball S. US flatters France as «oldest ally» after UK vote on Syria. *France24*. URL: <http://www.france24.com/en/20130831-syria-with-uk-out-us-flatters-oldest-ally-france-john-kerry> (accessed 23.02.2022)

¹⁸ Gilbert N., Wieder T. 2013. Comment François Hollande a choisi l'option militaire. *Le Monde*. 10.09.2013.

¹⁹ По названию созданной Э. Макроном политической партии «Республика на марше».

Симптоматично, что в ходе своего государственного визита в США 24-25 апреля 2018 г. Э. Макрон уже не вспоминал об имевшихся с Д. Трампом «принципиальных разногласиях», а в выступлении в Сенате США 25 апреля 2018 г.²⁰ в своих восторгах по поводу американской демократии превзошёл даже произнесённую 7 ноября 2007 г. в тех же стенах аналогичную речь «чемпиона французского атлантизма» Н. Саркози²¹.

20 января 2021 г. действующий французский президент в полной мере разделил торжество европейской леволиберальной элиты по поводу вступления в должность президента США демократа Дж. Байдена.

С тех пор франко-американские связи окрепли настолько, что даже после того, как 15 сентября 2021 г. Соединённые Штаты без каких-либо предупредительных реверансов лишили Францию возможности заработать 56 млрд евро на продаже подводных лодок для ВМФ Австралии (объявив о создании на Тихом океане англосаксонского оборонного альянса AUKUS), размолвка Парижа с Вашингтоном продлилась всего лишь одну неделю — по итогам телефонного разговора с Дж. Байденом 22 сентября 2021 г. Макрон вернул в США отозванного для консультаций французского посла²².

Итак, за полвека Франция полностью избавилась от «голлистских претензий» в отношениях с США. На сегодняшний день у Пятой республики нет сколько-нибудь существенных противоречий с Вашингтоном по актуальным вопросам международной повестки дня. В этом смысле Париж стал практически неразличим в ряду прочих столиц Евросоюза.

В то же время, несмотря на описанные выше усилия французского политического класса, Франции пока не удалось стать рядовым европейским союзником Соединённых Штатов. Этому попрежнему мешают два последних рудимента голлистской «политики величия»: наличие у страны собственного арсенала ядерного сдерживания, а также обеспеченное исключительно дипломатическим гением Ш. де Голля постоянное членство Парижа в СБ ООН.

Голлистский и атлантистский подходы к евроинтеграции «Европа Наций» Ш. де Голля

Первого президента Пятой республики принято считать записным врагом евроинтеграции. Формированию этого стереотипа во многом способствовали

²⁰ Discours du Président de la République, Emmanuel Macron, devant le Congrès des Etats-Unis d'Amérique le 25 avril 2018. *Elysee*. URL: <https://www.elysee.fr/front/pdf/elysee-module-905-fr.pdf> (accessed 23.02.2022)

²¹ Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur les relations franco-américaines, à Washington le 7 novembre 2007. *Vie-Publique*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/168471-declaration-de-m-nicolas-sarkozy-president-de-la-republique-sur-les-r> (accessed 23.02.2022)

²² Communiqué conjoint de l'entretien téléphonique du Président de la République Emmanuel Macron avec M. Joe Biden, Président des Etats-Unis d'Amérique, le 22 septembre 2021. *Elysee*. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/09/22/entretien-telephonique-du-president-de-la-republique-avec-m-joe-biden-president-des-etats-unis-d-amerique> (accessed 23.02.2022)

французские атлантисты, в инструментарии политической борьбы которых всегда значилось огульное приращение анафеме любого видения объединённой Европы, отличного от их собственного.

«Следует решиться и сделать вывод, что договариваться с ним [с Ш. де Голлем — Д.М.] невозможно. Он враг французского народа и свобод, он враг европейской интеграции. Таким образом, в интересах французов он должен быть уничтожен»²³, — писал 6 мая 1943 г. Ж. Монне в секретной депеше госсекретарю США Г. Хопкинсу.

Между тем генерал вовсе не был противником самой идеи единой Европы, просто объединять континент он предлагал на отличном от еврофедералистского принципе. «... Есть два способа рассматривать и, может быть, создавать Европу: интеграция в нечто наднациональное или кооперация государств и наций. Что касается меня, то я сторонник второго способа», — так предельно понятно разъяснял свою позицию сам Ш. де Голль (Рейно 1964: 34).

Более того, в контексте холодной войны де Голль ясно видел, что евроинтеграционный процесс был единственным способом достойно вписать Старый Свет в формулу силового противостояния двух сверхдержав. Однако в его понимании Европа должна была объединяться вокруг Франции и исключительно для усиления международных позиций Парижа. «Нам следует объединить Европу! Ей нужна, наконец, система общей обороны. Намечить её план, равно как и назначить командующего, должна, естественно, Франция — подобно тому как на Тихоокеанском театре ведущая роль принадлежит США, а на Восточном — Великобритании», — заявил Ш. де Голль на пресс-конференции 17 августа 1950 г. (Рейно 1964: 52).

В условиях холодной войны генерал рассматривал объединённую Европу как инструмент для утверждения Франции в качестве полюса глобального влияния, равного по международной значимости СССР и США. Президент республики не мог не осознавать, что собственно французских оборонного, экономического и политического ресурсов недостаточно для равноправного подключения Парижа к соперничеству двух гигантов биполярного противостояния. «Он [де Голль] представлял себе новую систему европейской безопасности, которая позволила бы превзойти обстоятельства холодной войны и базировалась бы на новом балансе сил на континенте между, с одной стороны, деидеологизированной Россией, и объединённой вокруг Парижа Западной Европой — с другой», — разъясняет идею де Голля Ж.А. Суту (Soutou 2018: 144).

Французская дипломатия унаследовала от голлизма восприятие объединённой Европы как «мультипликатора» международного влияния Парижа, причём данная традиция благополучно пережила породившую её холодную войну и в определённом смысле не утратила актуальности до сих пор.

²³ Note déclassée adressée au Secrétaire d'Etat américain Harry Hopkins (cité par Eric Branca, De Gaulle — Monnet ou le duel du siècle). *Revue Espoir*. № 177, novembre. 1998. P. 9.

Как уже было отмечено, голлизм провозгласил национальное государство единственно возможным субъектом мировой истории, главной ценностью, которой может обладать народ как единое социально-политическое и культурно-историческое целое. Этот концептуальный посыл, по замыслу де Голля, должен был стать главной идеологической основой для грядущего объединения Европы. «Сегодня более, чем когда бы то ни было, я верю в то, что у Европы не может быть живого существования, если в неё не входят Франция с её французами, Германия с её немцами, Италия с её итальянцами и т.д. Данте, Гёте, Шатобриан принадлежат всей Европе в той степени, в которой они были соответственно и в высшей степени итальянцем, немцем и французом. Они не очень бы послужили Европе, если бы были безродными апатридами», — сказал Ш. де Голль 15 мая 1962 г. на пресс-конференции в Елисейском дворце (de Gaulle 1970a: 407).

В отличие от авторов действующих ныне версий договоров о Евросоюзе, генерал не боялся основывать европейскую идентичность на общей для всех народов континента принадлежности к белой расе, а также на исторически обусловленной фундаментальной морально-мировоззренческой приверженности христианским ценностям: «Я всегда — а сейчас особенно — чувствовал в себе то, что народы, населяющие этот континент [Европу — Д.М.], имеют между собой много общего. Все они принадлежат к одной белой расе, к одной христианской религии, к одному образу жизни» (de Gaulle 1970b: 181).

Любопытно, как резюмирует подходы голлистов к евроинтеграции в своих мемуарах их яростный противник Ж. Монне: «Все их [голлистов — Д.М.] рассуждения отталкивались от тезиса, что ничто европейское невозможно, пока Европа не стала политической реальностью. Одновременно де Голль утверждал, что единственно возможной политической реальностью является государство-нация. Чем же была его Европа, к которой он призывал со всей искренностью? — Широкой конфедерацией государств, географические границы которой и характер внутренних связей он не уточнял... Ясно было одно: что он желает включить в свою Европу Германию, связанную с Францией договором, который гарантирует французам привилегированные позиции, в частности, в сфере обороны» (Monnet 1976: 371).

Согласно Ф. Шуазелю, «голлистская Европа, которую иногда также называют Европой наций и которую сам генерал называл Европой государств, — не федерация и уж, тем более, не наднациональная централизованная машина. Она есть организованная кооперация или, как сегодня говорят, межгосударственная система» (Choisel 2016: 125).

Таким образом, объединённую Европу де Голль видел не иначе как классическую международную организацию, лидирующую роль в которой, по его замыслу, должен был играть Париж.

С лета 1960 г. Ш. де Голль начал активно продвигать собственный проект объединения Европы. По свидетельству министра иностранных дел Франции М. Кув де Мюрвиля (Couve de Murville 1971: 244), в ходе встречи с канцлером

ФРГ К. Аденауэром 29-30 июля 1960 г. в Рамбуйе французский президент излагал конкретные предложения на сей счёт.

10-11 февраля 1961 г. в Париже де Голль собрал саммит европейской «шестёрки», на котором был учреждён Межправительственный комитет политического союза под председательством посла Франции в Дании Кристиана Фуше. Этот комитет с ноября 1961 г. по апрель 1962 г. представил лидерам государств Европейского сообщества версии голлистского евроинтеграционного проекта, известные как планы Фуше.

Через Комитет Фуше де Голль транслировал партнёрам следующие предложения: создать политический союз, который бы действовал параллельно с существующими Европейскими сообществами, но, в отличие от них, имел бы общую внешнюю и оборонную политику.

При этом в первой версии проекта голлистского договора признавалось, что единая оборонная политика будет проводиться «в сотрудничестве с другими свободными нациями» (читай, с США и НАТО) — формулировка, которую де Голль лично вычеркнул из второй версии плана Фуше.

Объединённая на голлистских принципах Европа должна была управляться Советом Европейского сообщества, представляющим национальные правительства, который принимает решения во всех без исключения случаях единогласно.

Обеспечение работы Совета предполагалось доверить Европейской политической комиссии со штаб-квартирой в Париже — с тем чтобы отодвинуть подалее в институциональную тень действовавшую в Брюсселе с 1958 г. еврофедералистскую Комиссию Европейского экономического сообщества.

«Предлагая создать новый “союз государств” (параллельно с уже существующим Европейским сообществом), в котором внешняя политика и политика безопасности стали бы измерениями общей европейской политики, план Фуше имел видимость интеграционистского начинания... В то же время, делая выбор в пользу этой новой формы политического сотрудничества, организованной чётко по межгосударственному принципу и выступая, таким образом, за передачу части полномочий существующего Европейского сообщества новому межправительственному союзу, план открыл путь к прогрессивной деконструкции надгосударственного начала в ЕС и создавал тем самым предпосылки для разочарования в его федералистской институциональной динамике», — справедливо пишет по этому поводу британский исследователь Э. Тисдейл²⁴.

Первая версия плана Фуше была отклонена в январе 1962 г. из-за принципиального неприятия Бельгией и Нидерландами. Вторая версия, распространявшая компетенцию деголлевского Совета Европейского сообщества ещё и на экономическую сферу (не оставляя таким образом политического пространства для

²⁴ Teasdale A. The Fouchet Plan: De Gaulle's Intergovernmental Design for Europe. *The London School on Economics and Political Science*. «Europe in question» Discussion Paper Series, №117 (October) 2016. P. 1-2.

существования коммунитарных структур, выросших из Европейского объединения угля и стали), настроила против Парижа и остальных государств-участников европейской интеграции. В феврале 1962 г. они направили в Комитет Фуше свой проект договора, по сути, торпедировавший французские предложения.

В последний раз голлистский проект межгосударственного политического союза обсуждался в формате европейской «шестёрки» на конференции министров иностранных дел в апреле 1962 г. в Париже. Отстаивая его, Франция вновь оказалась во внешнеполитическом одиночестве. План Фуше был окончательно отвергнут, и евроинтеграционный процесс пошёл по федералистскому сценарию. Федеративные штаты Европы Ж. Монне исторически возобладали над Европой наций Ш. де Голля.

Тем не менее голлистский тренд на сохранение в евростроительстве межгосударственного принципа на долгие годы определял подходы Парижа к созданию объединённой Европы.

Еврофедерализм как отрицание голлистского проекта евростроительства

Формирование в начале 50-х гг. прошлого века атлантистской доктрины как главного идеологического инструмента внешней политики США на европейском направлении не случайно совпало по времени с запуском федералистского проекта евроинтеграции. В Вашингтоне прекрасно понимали, что только европейцы, объединённые в независимые национальные государства, могут дать организованный отпор американским претензиям на безусловное доминирование в западном блоке.

Соответственно, с атлантистской точки зрения, суверенитет европейских (особенно крупных) народов следовало как можно полнее растворить в наднациональных аморфных структурах, не обладающих необходимой демократической легитимностью, не имеющих полноты политической власти и не способных в обозримой перспективе претендовать на реальную автономию в сфере обеспечения собственной безопасности.

Атлантистские идеи строительства федеративной Европы в первое послевоенное десятилетие транслировались в Старом свете, главным образом, через политический истеблишмент Четвёртой республики. Так, знаменитую декларацию 9 мая 1950 г., с которой началось создание Европейского объединения угля и стали (и, по сути, всего Евросоюза в его нынешнем виде), представил французский министр иностранных дел Р. Шуман.

Другой знаменитый француз — уже не раз упомянутый нами Ж. Монне — разработал целую философию, обосновывающую необходимость надгосударственного политического строительства (Monnet 1955: 34).

«Моннеизм и голлизм неискоренимо несовместимы ... Они взаимно исключают друг друга и не могут иметь иных отношений, кроме борьбы. Когда евро-

интеграция входит в конфликт с величием Франции, они делают диаметрально противоположный выбор: один жертвует Францией, второй отталкивает Европу», — читаем у Ф. Шуазеля (Choisel 2016: 117).

Ш. де Голль в полной мере осознавал «пуповинную» связь между атлантистским и еврофедералистским проектами, воспринимая последний как составной элемент американоцентричной геополитической конструкции: «Все старые формации²⁵ проповедуют "наднационализм" — иначе говоря, подчинение Франции не её закону. Отсюда приверженность к "Европе", понятой в виде конструкции, в рамках которой технократам принадлежит исполнительная власть, парламентариям — законодательная. При этом большинство и тех, и других — иностранцы, которым будет доверено вершить судьбы французского народа. Отсюда же страстное влечение к Атлантической организации, которая отдаст нашу безопасность и, следовательно, политический суверенитет нашей страны на усмотрение других» (de Gaulle 1970b: 180).

Атлантизм и федералистская модель евроинтеграции всегда воспринимались голлистами как две стороны одной фальшивой монеты, за которую американцы решили купить у европейских держав (прежде всего, у Франции и Германии) право единовластного контроля над Западной Европой.

Как и в случае со взглядами де Голля на отношения с США, подходы генерала к евроинтеграции начали пересматривать во Франции практически сразу после его отставки в апреле 1969 г.

Президент Ж. Помпиду видел единую Европу не как политический союз объединённых вокруг Парижа европейских государств, а как единое экономическое пространство или общий рынок. Такой подход к евроинтеграции последовательно (вплоть до своего выхода из ЕС 1 февраля 2020 г.) проповедовала Великобритания, которой Помпиду уже в декабре 1969 г. открыл путь в Европейские сообщества (против чего, как известно, выступал Ш. де Голль).

Следующий хозяин Елисейского дворца В. Жискара д'Эстен был убеждённым еврофедералистом. В декабре 1974 г. он добился институционализации встреч глав государств и правительств страну-чasten ЕЭС, что положило начало процессу создания Евросовета как одной из главных коммунитарных структур. При Жискара д'Эстене Франция активно способствовала проведению в июне 1979 г. первых прямых всеобщих выборов в Европарламент.

Когда на саммите ЕС в Лаакене в декабре 2001 г. еврофедералисты решили создать Конвент о будущем Европы (главной задачей которого было разработать проект Евроконституции), его председателем стал В. Жискара д'Эстен.

«Я, естественно, горжусь Францией. Однако, как и вы все, я чётко имею в виду, что только через Европу и в составе Европы она продолжит своё дви-

²⁵ Имеются в виду традиционные партии, возникшие ещё при Третьей республике.

жение сквозь сей век в будущие времена»²⁶, — патетически заявил 22 апреля 1988 г. на митинге в Ле Бурже кандидат на второй президентский срок от Соцпартии Франции Ф. Миттеран.

Во время правления Ф. Миттерана евроинтеграция проделала головокружительный путь от подписания в феврале 1986 г. Единого европейского акта, лишь зафиксировавшего федералистскую логику в качестве доминирующей стратегии евростроительства, до подписания 7 февраля 1992 г. судьбоносного для ЕС Маастрихтского договора, которым, среди прочего, был учреждён Европейский экономический и валютный союз, а также впервые кодифицированы фантомные европейские амбиции в области единой внешней и оборонной политики.

Этот прогресс был достигнут во многом благодаря усилиям Парижа. Тот факт, что самую активную роль в реализации «маастрихтского прорыва» сыграл лично Ф. Миттеран, отмечают Е.О. Обичкина (Обичкина 2012: 215) М. Вайс (Vaïsse 2009: 142) Ж.А. Суту (Soutou 2018: 124-126).

Будучи оппозиционным премьер-министром при Ф. Миттеране, голлист Ж. Ширак в 1986 г. высказался за ратификацию Единого европейского акта, а в ходе референдума по Маастрихтскому договору 20 сентября 1992 г. — вопреки официальной позиции своей партии «Объединение в поддержку Республики» — призвал французов (правда, после некоторых колебаний) голосовать за ратификацию этого федералистского соглашения.

Въехав в Елисейский дворец в мае 1995 г., Ж. Ширак продолжил успешно совмещать своё голлистское происхождение с целенаправленным продвижением основного на тот момент еврофедералистского императива — воплощения в жизнь интеграционных задач, обозначенных в Маастрихтском договоре.

Следует напомнить, что Ж. Шираку принадлежит авторство таких открыто антидеголлевских концепций, как «многоскоростная Европа» (позволившая сохранить федералистскую динамику на фоне вхождения в Евросоюз «младоевропейцев», не всегда готовых «плавать» свою национальную идентичность в «коммунитарном котле»); «Европа-держава» (по сути, синоним федералистского супергосударства, имеющего собственные, независимые от национальных правительств атрибуты мощи), «Европа-защитница» (адаптированная под геополитические реалии 90-х годов прошлого века реинкарнация Плана Плевена от 1952 г. по созданию единой европейской армии под наднациональным командованием).

²⁶ Discours de M. François Mitterrand, Président de la République et candidat à l'élection présidentielle de 1988, sur les dynamiques de l'Europe, de la paix, de la modernité et de la liberté, Le Bourget, vendredi 22 avril 1988. *Vie-Publique* URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/139134-discours-de-m-francois-mitterrand-president-de-la-republique-et-candid> (accessed 23.02.2022)

Именно голлист Ж. Ширак в своей исторической речи в Бундестаге 27 июня 2000 г.²⁷ впервые заявил о необходимости принятия Европейской конституции. Реализация этой идеи, как известно, была заблокирована итогами референдумов во Франции и Нидерландах (соответственно, в мае и июне 2005 г.). Однако усилиями следующего президента Франции Н. Саркози данный политический проект был «изящно» трансформирован в главное на настоящий момент достижение еврофедерализма — Лиссабонский договор.

Н. Саркози справедливо считают — наряду с канцлером ФРГ А. Меркель — одним из основных архитекторов действующей сегодня лиссабонской версии договоров о ЕС. При этом, как справедливо заметил А. Ламассур, «именно Саркози и никто другой выступил с идеей упрощённого договора» (Lamassoure в предисловии к Legoll 2012: 8), сделавшей подписание и вступление в силу Лиссабонского договора в принципе возможными.

Как уже было отмечено, в мае и июне 2005 г. французы и голландцы на референдумах отвергли подготовленный под предводительством В. Жискара д'Эстена проект Европейской конституции. Еврофедералистский поезд зашёл в глухой тупик демократически выраженного отторжения гражданами навязываемой им политическими элитами федеративной модели евроинтеграции.

Выход из тупика был найден министром внутренних дел Франции Н. Саркози. В своей программной речи 8 сентября 2006 г. в Брюсселе он цинично заявил, что на референдуме по Европейской конституции 2005 г. «французы неправильно поняли заданный им вопрос»²⁸ и предложил назвать отвергнутый документ не Европейской конституцией, а «конституционным договором» (или «упрощённым договором»): для вступления в силу такого соглашения было достаточно его ратификации национальными парламентами.

Реализацию «упрощённого договора» Н. Саркози сделал одним из главных приоритетов своей президентской кампании 2007 г. Показательно, что основной текст рассматриваемого соглашения был формально согласован уже 22 июня 2007 г. — то есть на первом же заседании Евросовета, на котором Саркози присутствовал в качестве вновь избранного президента Франции.

Второй в истории Пятой республики президент-социалист Ф. Олланд продолжил и углубил еврофедералистский курс своего предшественника Н. Саркози. «С 2012 года у Франции не было европейской политики, которая бы сильно

²⁷ Déclaration de M. Jacques Chirac, Président de la République, sur l'importance de la relation franco-allemande pour la construction européenne, la réforme des institutions communautaires avec notamment la notion de constitution européenne ainsi que le renforcement de l'intégration européenne et de la coopération franco-allemande, Berlin le 27 juin 2000. *Vie-Publique*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/208829-declaration-de-m-jacques-chirac-president-de-la-republique-sur-limpo> (accessed 23.02.2022)

²⁸ Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, ministre de l'intérieur et de l'aménagement du territoire et président de l'UMP, sur ses propositions pour sortir de la crise institutionnelle européenne après les rejets du référendum sur le traité constitutionnel en France et aux Pays-Bas, et la modernisation du financement de l'UE et de la vie politique en Europe, les frontières de l'Europe. Bruxelles le 8 septembre 2006. *Vie-publique*. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/163201-nicolas-sarkozy-08092006-rejets-du-referendum-traite-constitutionnel> (accessed 23.02.2022)

отличалась от предыдущего пятилетнего президентства»²⁹, — справедливо заметил К. Лекен.

Действительно, главным поприщем Ф. Олланда на треке евроинтеграции стала начатая при Н. Саркози федерализация бюджетной и фискальной сфер. Так, президент-социалист содействовал вступлению в силу 1 января 2013 г. Договора о стабильности, координации и управлении ЕС («Европейский пакт бюджетной стабильности»), подписание которого 2 марта 2012 г. стало одним из заметных политических итогов президентства Н. Саркози.

5 февраля 2013 г. в своём выступлении в Европарламенте³⁰ Ф. Олланд впервые обозначил в качестве официальной позиции Франции³¹ идею коммунитаризации европейского долга. Предложение выпустить коллективные долговые обязательства (евробонды) шло тогда пакетом к ещё более амбициозной французской инициативе по учреждению Правительства еврозоны, которое имело бы в своём распоряжении автономный бюджет, а также определяло бы собственную экономическую, монетарную и налоговую политику³².

Действующий лидер Франции Э. Макрон озвучил свой «катехизис еврофедералиста» в выступлении в Сорбонне 27 сентября 2017 г.³³, то есть в первый же активный месяц своего президентского срока. В частности, он заклеил «националистами, идентитаристами, протекционистами» и прочими отсталыми «суверенистами» всех тех, кто мешает ему и другим «прогрессистам» строить единую наднациональную Европу.

В апреле 2020 г. президент Франции предложил канцлеру ФРГ А. Меркель занять «на международных финансовых рынках» (читай, у крупных американских банков) под коллективные гарантии ЕС 500 млрд евро для преодоления экономических последствий пандемии коронавируса. 18 мая 2020 г., после нескольких недель напряжённых переговоров, А. Меркель согласилась стать соавтором этой инициативы, которая легла в основу плана Еврокомиссии Next Generation EU, одобренного на видеосаммите ЕС 19 июня 2020 г.

Последствия этого события для федерализации евроинтеграционного проекта ещё предстоит осмыслить. Однако то, что они колоссальны, ясно уже сейчас.

²⁹ Lequesne Ch. 2014. La politique extérieure de François Hollande: entre interventionnisme libéral et nécessité européenne. *Contribution à la Journée d'études «Le PS au pouvoir»*. Le 6 juin 2014. P. 1-2.

³⁰ Discours de M. François Hollande, Président de la République, prononcé le 5 février 2013 devant le Parlement européen à Strasbourg. URL: *Le Figaro*. <https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2014/03/27/25001-20140327ARTFIG00082-le-discours-de-francois-hollande-au-parlement-europeen.php> (accessed 23.02.2022)

³¹ Эта еврофедералистская идея витала в ЕС со времён председательства в Еврокомиссии француза Ж. Делора (1985-1995), но форму официальной позиции Парижа приобрела уже при Ф. Олланде.

³² Начинание Ф. Олланда заблокировала канцлер ФРГ А. Меркель, понимавшая, что основное бремя по обслуживанию «коллективного долга еврозоны» ляжет на Германию.

³³ *Discours d'Emmanuel Macron le 26 septembre 2017 à la Sorbonne*. URL: https://sgae.gouv.fr/files/live/sites/SGAE/files/contributed/SGAE/02_Tout_Savoir_UE/Frise_Discours/Discours%20d'Emmanuel%20Macron%20le%2026%20septembre%202017.pdf (accessed 23.02.2022)

Во-первых, впервые в истории брюссельская бюрократия получила санкцию на самостоятельное заимствование на внешних финансовых рынках суммы, составляющей более 46% общего коммунитарного бюджета на ближайшие семь лет³⁴.

Во-вторых, отныне любому государству, решившему по примеру Великобритании воспользоваться Статьей 50 Договора о Евросоюзе для выхода из ЕС, придётся так или иначе выплачивать свою часть общего «коронавирусного» долга.

Таким образом, с подачи Макрона отказ от членства в европейском федералистском супергосударстве теперь сопряжён с дополнительными и весьма серьёзными финансовыми трудностями.

Наконец, чтобы отметить стартовавшее 1 января 2022 г. очередное председательство Франции в ЕС, Э. Макрон распорядился вывесить под Триумфальной аркой в Париже флаг Евросоюза, показательно «позабыв» при этом французский триколор. Реакция общества на то, что над Могилой Неизвестного солдата, павшего за Францию, а вовсе не за ЕС, развивается только звёздно-голубое полотнище, была такова, что уже 2 января 2022 г. главный символ федеративной евроинтеграции был снят с Триумфальной арки. Данный эпизод весьма наглядно продемонстрировал как актуальные подходы Парижа к вопросам евростроительства, так и истинное отношение к ним большинства французов.

* * *

Голлистская и атлантистская идеологические конструкции, проанализированные в их проекциях на внешнюю политику Пятой республики, предстают как ключевые концептуальные парадигмы, которые оказывали определяющее влияние на формирование дипломатической линии Парижа, по меньшей мере, на треках евростроительства и отношений Франции с США.

Голлизм, будучи «генетически» настроен на сопротивление атлантистской доктрине, долгое время не позволял Франции принять объективный геополитический факт единоличного лидерства США в западном блоке. По этой причине голлистская дипломатия всегда легко распознавалась по характерному оттенку «романтического антиамериканизма».

Французский атлантизм возник и развивался как прямое отрицание голлизма. Противоречия между ними особенно остро проявили себя в сфере евростроительства, где голлистский подход к объединению Европы на межгосударственных началах и при лидирующей роли Франции столкнулся с федералистской концепцией евроинтеграции, в конечном счёте обслуживающей атлантистские стратегические интересы.

³⁴ Совокупный бюджет Евросоюза на 2021-2027 гг. составляет 1 074,3 млрд евро.

Еврофедерализм, в отличие от голлизма, естественным образом совместим с атлантистской идеологией и даже сумел встроиться в неё в качестве важного составляющего компонента. Он до сих пор помогает США решать их важнейшую геостратегическую задачу по сохранению американского военно-политического контроля над Европой, поскольку способствует исключению крупных европейских держав (прежде всего, Франции и Германии) из непосредственного участия в решении евроатлантического уравнения безопасности. Де Голль прямо указывал на это, за что и был объявлен атлантистами «врагом Единой Европы».

Ретроспективный анализ исторических реалий Пятой республики, предпринятый в настоящей статье через призму противоборства голлизма и атлантизма, выявил устойчивую тенденцию по последовательному отказу политического истеблишмента Франции от голлистских императивов во франко-американских отношениях, а также в подходах Парижа к вопросам евроинтеграции.

Представляется также установленным, что в течение последних пятнадцати лет атлантизм выступает абсолютной идеологической доминантой французской внешней политики. Об этом свидетельствуют как действия Парижа на международной арене, так и сопутствующая им эволюция официальной риторики хозяев Елисейского дворца.

Данное наблюдение имеет важное значение для выстраивания отношений России с Францией. Мы привыкли к тому, что Париж — независимо от того, живёт он при «атлантистском» или «голлистском» правлении — всегда стремился поддерживать доверительный политический диалог с Москвой, в том числе, по особо чувствительным вопросам стратегической безопасности. Легендарный генерал, конечно, не был «лучшим другом» нашей страны, каковым его пыталась представить определённая часть франковедов советской школы. Однако и он сам, и созданное им по его идеологическим «лекалам» французское государство до последнего времени стремились играть самостоятельную роль в мировых делах, имели собственные подходы к решению актуальных международных проблем и исходили в вопросах сотрудничества со всеми странами, включая СССР и Россию, исключительно из собственных национальных интересов, не отягощённых «союзнической» или какой-либо иной «высшей логикой».

Настало время понять, что атлантистская Франция по определению лишена привычных и понятных нам «голлистских амбиций» на международной арене. Среди прочего, это делает бессмысленным российско-французский диалог по вопросам европейской безопасности³⁵, поскольку в этой сфере голос Парижа с каждым годом всё менее различим в сводном хоре ЕС – НАТО.

³⁵ В том числе, в рамках российско-французского Совета сотрудничества по вопросам безопасности, последнее заседание которого состоялось 13 ноября 2021 г. в Париже и предсказуемо не было отмечено какими-либо политически осозаемыми результатами.

Атлантистский внешнеполитический курс современной Франции ставит под серьёзный вопрос целесообразность нашего дальнейшего взаимодействия с ней в Нормандском формате, так как уже давно очевидно, что главная политическая цель Парижа — равно как и всех других западных столиц — в украинском вопросе заключается вовсе не в побуждении Киева к исполнению Минских договорённостей, а в окончательной и бесповоротной зачистке Донбасса от «русского духа» в целях обеспечения комфортного вступления Украины в НАТО.

10 апреля 2022 г. во Франции состоятся очередные президентские выборы. Если Э. Макрон сможет переизбраться на второй срок, то «атлантистский период» затянется во Франции ещё на пять лет, и Париж гарантированно продолжит внешнеполитический дрейф в сторону, противоположную от наследия де Голля.

В то же время следует иметь в виду, что отброшенные на данный момент политическим истеблишментом Франции идеи и принципы Ш. де Голля по-прежнему популярны среди значительной части простых граждан Пятой республики, что оставляет определённую надежду на возобновление былого доверительного партнёрства между Россией и Францией, которое, как известно, было одной из характерных черт голлистской дипломатии.

Об авторе:

Дмитрий Юрьевич Михайлов – советник-посланник Посольства России в Швеции. Gjörwellsgatan 31, 11260 Stockholm, Sweden. E-mail: mikhailov_sweden@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.8

Received: January 12, 2022

Accepted: February 2, 2022

Gaullism and Atlanticism are Main Foreign Policy Paradigms of the Fifth Republic

D.Y. Mikhailov

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-60-91](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-60-91)

The Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Sweden

Abstract: Gaullism and Atlanticism in the foreign policy of the Fifth Republic appear as two fundamental but mutually exclusive ideological paradigms that, in various combinations, traditionally determined Paris's behavior on the international stage.

A comparative analysis of the ideological constructions of Gaullism and Atlanticism shows the fundamental reason for the conceptual discrepancy between the two doctrines. Gaullism calls on France to preserve its status as a world power at any cost. Atlanticism serves the geostrategic purpose of maintaining American military and political control over Europe. For this reason, Atlanticism does not recognize any other world powers within the Western universe but the United States.

A retrospective view of the Gaullist and Atlanticist interaction reveals a steady trend towards a gradual shift of the Fifth Republic from Charles de Gaulle's diplomacy principles. This trend led to the beginning in 2007 of a new era of the absolute dominance of Atlanticism in French foreign policy compared with the post-war period of the Fourth Republic.

The advent of this era was marked by a significant improvement in France's relations with the United States and NATO and increasing French activism on the track of Euro-federalist integration, but, in general, by the perceptible banalization of France's voice in international affairs.

The results of this study help build future relations between Russia and France.

Keywords: Gaullism, Atlanticism, Euro-federalism, French foreign policy, history of the Fifth Republic, Franks-American relations

About the author:

Dmitry Y. Mikhaylov – Minister Counsellor of the Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Sweden. Gjörowellsgatan 31, 11260 Stockholm, Sweden.

E-mail: mikhailov_sweden@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interest.

References:

- Berstein S. 1999. De la démocratie plébiscitaire au gaullisme: naissance d'une culture politique républicaine. *Les Cultures politiques en France*. Paris: Seuil. 416 p. (In French)
- Berstein S. 2002. *Histoire du gaullisme*. Paris: Perrin. 574 p. (In French)
- Bloch-Morhange J. 1963. *Le Gaullisme*. Paris: Plon. 264 p. (In French)
- Borne E. 1981. Préface au livre: Teitgen J. *Le Gaullisme en question*. Paris: Julliard. 181 p. (In French)
- Bozo F. 2019. *La politique étrangère de la France depuis 1945*. Paris: Flammarion. 361 p. (In French)
- Branca E. 2017. *L' Ami Américain. Washington contre de Gaulle 1940-1966*. Paris: Perrin. 380 p. (In French)
- Broche F. 2020. *Ils détestaient de Gaulle*. Paris: Tallandier. 344 p. (In French)
- Charlot J. 1969. *Le phénomène gaulliste*. Paris: Fayard. 232 p. (In French)
- Choisel F. 1987. *Bonapartisme et gaullisme*. Paris: Albatros. 379 p. (In French)
- Choisel F. 2016. *Comprendre le Gaullisme. A propos de quelques contresens sur la pensée et l'action du général de Gaulle*. Paris: Harmattan. 182 p.
- Couve de Murville M. 1971. *Une politique étrangère 1958 — 1969*. Paris: Plon. 507 p. (In French)
- Dalloz J. 1993. *La France et le Monde depuis 1945*. Paris: Colin. 106 p. (In French)
- De Gaulle Ch. 1970a. *Discours et messages. Volume III: Avec le renouveau (1958-1962)*. Paris: Plon. 443 p. (In French)

- De Gaulle Ch. 1970b. *Mémoires d'espoir. Le Renouveau 1958-1962*. Paris: Plon. 314 p. (In French)
- De Gaulle Ch. 1954. *Mémoires de guerre. l'Appel*. Paris: Plon. 680 p. (In French)
- De Gaulle Ch. 1959. *Mémoires de guerre. Le Salut*. Paris: Plon. 314 p. (In French)
- De Montalais J. 1968. *Qu'est-ce que le gaullisme?* Paris: Maison Mame. 220 p. (In French)
- Duroselle J.-B. 1976. *La France et les Etats-Unis des origines à nos jours*. Paris: Seuil. 284 p. (In French)
- Fredj C., Mazzucchetti D. 1994. *Le Gaullisme de 1940 à nos jours*. Paris: Hatier. 94 p. (In French)
- Gerber F. 2016. *Mitterrand, entre Cagoule et Francisque. 1935-1945*. Paris: Archipel. 402 p. (In French)
- Igounet V. 2014. *Le Front National de 1972 à nos jours*. Paris: Seuil. 491 p. (In French)
- Jauvert V. 2000. *L'Amérique contre de Gaulle. Histoire secrète 1961-1969*. Paris: Seuil. 272 p. (In French)
- Kerhervé A. Quéré G. 2020. *Découvrir, comprendre de Gaulle*. Paris: Regain de Lecture. 538 p. (In French)
- Kissenger H. 2001. *Does America need a Foreign policy? Toward diplomacy for 21st Century*. New York. 352 p.
- Legoll P. 2012. *Nicolas Sarkozy. Un Européen en action*. Paris: Harmattan. 233 p. (In French)
- Mahan A.T. 2018. *The Influence of Sea Power Upon History 1600 – 1783*. Lulu.Com. 326 p.
- Monnet J. 1955. *Les Etats-Unis d'Europe ont commencé*. Paris: Robert Laffont. 166 p. (In French)
- Monnet J. 1976. *Mémoires*. Paris: Fayard. 642 p. (In French)
- Morazé Ch. 1971. *Le Général de Gaulle et la République*. Paris: Flammarion. 328 p. (In French)
- Panon X. 2015. *Dans les coulisses de la diplomatie française de Sarkozy à Hollande*. Paris: l'Archipel. 473 p. (In French)
- Péan P. 1994. *Une jeunesse Française. François Mitterrand, 1934-1947*. Paris: Fayard. 616 p. (In French)
- Petitfils J.-Ch. 1988. *L'Extrême droite en France*. Paris: Presses universitaires. 128 p. (In French)
- Petitfils J.-Ch. 1993. *Le Gaullisme*. Paris: Presses universitaires. 132 p. (In French)
- Peyrefitte A. 1994. *C'étais de Gaulle*. Paris: Fayard. T. 1. 630 p. (In French)
- Peyrefitte A. 1997. *C'étais de Gaulle*. Paris: Fayard. T. 2. 652 p. (In French)
- Peyrefitte A. 2000. *C'étais de Gaulle*. Paris: Fayard. T. 3. 500 p. (In French)
- Pottier O. 2003. *Les bases américaines en France (1950-1967)*. Paris: Harmattan. 376 p. (In French)
- Pozzi J. 2011. *Les mouvements gaullistes. Partis, associations, réseaux 1958-1976*. Rennes: Presses Universitaires. 390 p. (In French)
- Quagliariello G. 2009. *Gaullisme. Une classification impossible*. Paris: Harmattan. 106 p. (In French)
- Quagliariello G. 2007. *La Religion gaulliste*. Paris: Perrin. 611 p. (In French)
- Rémond R. 1982. *Les Droites en France*. Paris: Aubier-Montagne. 540 p. (In French)
- Rémond R. 2002. *Le XXe siècle de 1914 à nos jours*. Paris: Seuil. 288 p. (In French)

- Roussel E. 2020. *Charles de Gaulle*. Paris: Perrin. 1388 p. (In French)
- Rudelle O. 2010. *De Gaulle. Pour mémoire*. Paris: Gallimard. 159 p. (In French)
- Soustelle J. 1967. *Vingt-huit ans de Gaullisme*. Paris: Table Ronde. 500 p. (In French)
- Soutou G.-H. 2018. *La Guerre froide de la France. 1941-1990*. Paris: Tallandier. 587 p. (In French)
- Tabard G. 2019. *La malédiction de la droite*. Paris: Perrin. 470 p. (In French)
- Tacel M. 1989. *La France et le monde au XX siècle*. Paris: Masson. 285 p. (In French)
- Teitgen J. 1980. *Le Gaullisme en question*. Paris: Julliard. 181 p. (In French)
- Touchard J. 1978. *Le Gaullisme 1940-1969*. Paris: Seuil. 381 p. (In French)
- Vaïsse M. 1998. *La Grandeur. Politique étrangère du Général de Gaulle 1958-1969*. Paris: Fayard. 700 p. (In French)
- Vaïsse M. 2009. *La Puissance ou l'influence*. Paris: Fayard. 649 p. (In French)
- Arzakanyan M.Ts. 1990. *De Goll' i gollisty na puti k vlasti [De Gaulle and the Gaulists are on Their Way to Power]*. Moscow: High school. 240 p. (In Russian)
- Arzakanyan M.Ts. 2003. *Politicheskaya istoriya Francii 20go veka [The Political History of France of the 20th Century]*. Moscow: High school. 158 p. (In Russian)
- Brutents K.N. 2009. *Zakat amerikanskoj gegemonii [The Decline of American Hegemony]*. Moscow: International Relations. 512 p. (In Russian)
- Voitolovsky F.G. 2007. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada. Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SSHA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroponyadka 1910-2000 gg. [The Unity and Disunity of the West. Ideological Reflection in the Minds of the Elites of the USA and Western Europe of the Transformations of the Political World Order of 1910-2000]*. Moscow: Kraft+. 464 p. (In Russian)
- Levi-Strauss K. 2001. *Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]*. Moscow: Eksmo-Press. 512 p. (In Russian)
- Novikov G.N. 1984. *Gollizm posle de Gollya: ideynaya i social'no-politicheskaya evolyuciya 1961-1981 [Gaulism after de Gaulle: Ideological and Socio-political Evolution 1961-1981]*. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russian)
- Obichkina E.O. 2004. *Franciya v poiskah vneshnepoliticheskikh orientirov v postbipolyarnom mire [France is in Search of Foreign Policy Guidelines in the Post-Bipolar World]*. Moscow: MGIMO. 487 p. (In Russian)
- Obichkina E.O. 2012. *Vneshnyaya politika Francii ot de Gollya do Sarkozy [French Foreign Policy from de Gaulle to Sarkozy]*. Moscow: Aspect Press. 382 p. (In Russian)
- Reynaud P. 1964. *Vneshnyaya politika gollizma [The Foreign Policy of Gaulism]*. Moscow: Progress. 167 p. (In Russian)
- Rubinsky Yu.I. 2018. *Primety vremeni [Signs of Time]*. Vol. 1-3. Moscow: IE RAN. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

- Арзаканян М.Ц. 1990. *Де Голль и голлисты на пути к власти*. Москва: Высшая школа. 240 с.
- Арзаканян М.Ц. 2003. *Политическая история Франции XX века*. Москва: Высшая школа. 158 с.

Брутенц К.Н. 2009. *Закат американской гегемонии*. Москва: Международные отношения. 512 с.

Войтоловский Ф.Г. 2007. *Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического мирового порядка 1910-2000 гг.* Москва: Крафт+. 464 с.

Леви-Стросс, К. 2001. *Структурная антропология*. Москва: Эксмо-Пресс. 512 с.

Новиков Г.Н. 1984. *Голлизм после де Голля: идейная и социально-политическая эволюция 1961-1981*. Москва: Наука. 302 с.

Обичкина Е.О. 2004. *Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в пост-биполярном мире*. Москва: МГИМО. 487 с.

Обичкина Е.О. 2012. *Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози*. Москва: Аспект Пресс. 382 с.

Рейно П. 1964. *Внешняя политика голлизма*. Москва: Прогресс. 167 с.

Рубинский Ю.И. 2018. *Приметы времени*. Т. 1-3. Москва: ИЕ РАН.